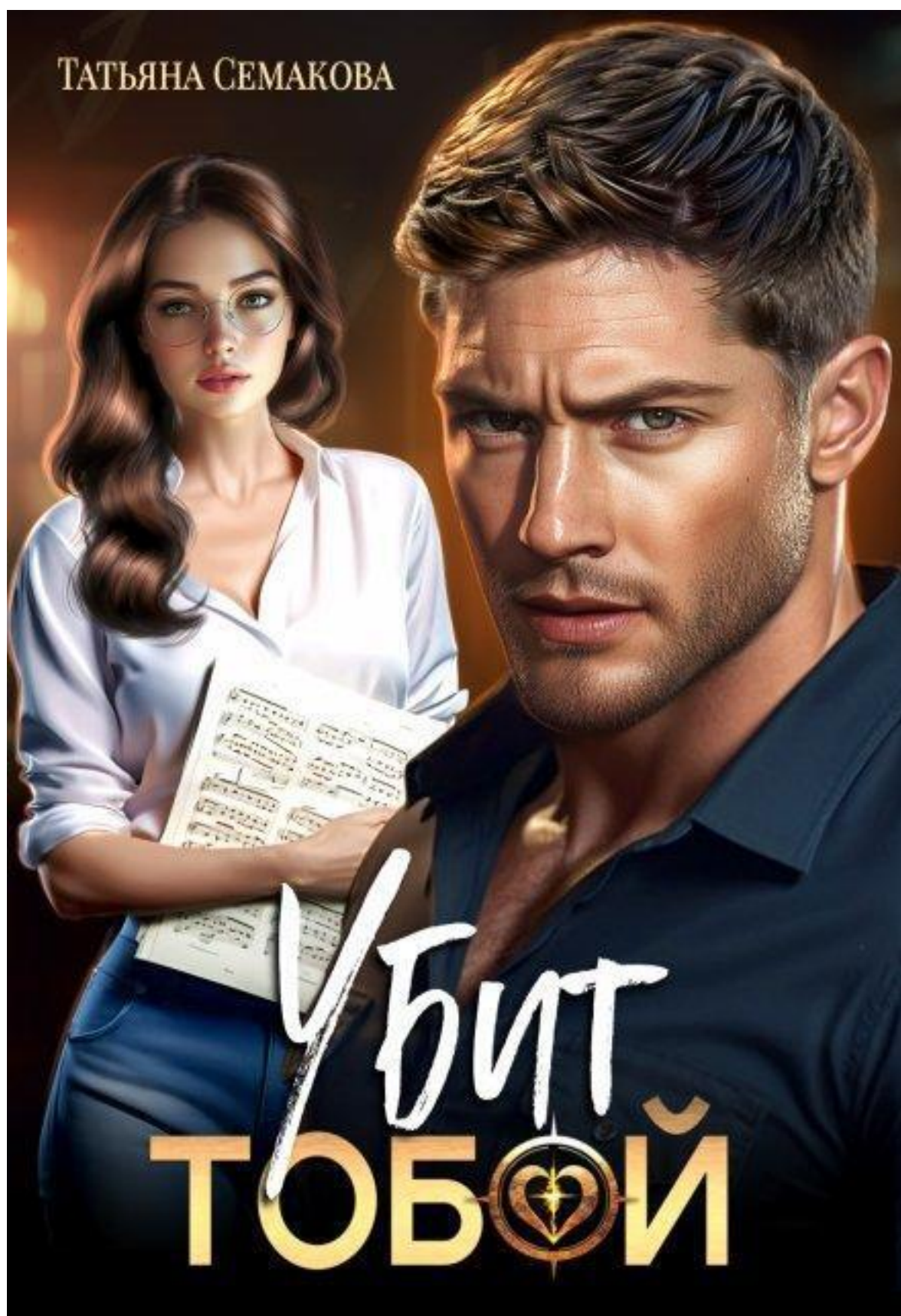

ТАТЬЯНА СЕМАКОВА

Убит ТОБОЙ

Татьяна Семакова

Убит тобой

«Литнет»

2025

Семакова Т.

Убит тобой / Т. Семакова — «Литнет», 2025

Всего на одну ночь скромная учительница музыки рискнула побыть плохой девочкой и пойти на поводу у эмоций. Кто бы мог подумать, что за пусть и глупым, но безобидным поступком последуют разрушительные последствия. Уж точно не она, теперь уже главная подозреваемая в деле об убийстве. Но думать поздно. Задача номер один - выжить, ведь ее буквально на каждом шагу пытаются убить. Кажется, единственный шанс на спасение - бегство. Но внезапно появляется тот, кого она никак не ожидала увидеть. И у него к ней почему-то большие претензии. ♥#вкусный ХЭ настоящий мужчина
смышленая героиня тайны прошлого Книга участвует в литмобе «Любовь под прицелом». Остальные книги моба здесь

© Семакова Т., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

ПРОЛОГ

Из роскошного номера отеля я выхожу с ощущением, что до этой ночи была невинна. Истерзанные губы щиплет, в ногах до сих пор приятная слабость, а в мыслях бардак, с которым еще долго придется разбираться.

К счастью, он не местный. И мы больше никогда не увидимся. Иначе я бы ни за что не решилась. Да и мотивация, откровенно говоря, сомнительная. Импульсивные, подкрепленные лютой обидой поступки всегда невероятно глупы. Впрочем, не могу сказать, что жалею. Такого я еще не испытывала. Даже близко... Этот мужчина прошелся настоящим цунами по всем нервным окончаниям.

Я захожу в ярко освещенный лифт и ужасаюсь собственному отражению. Определенно, в полумраке номера я выглядела гораздо презентабельнее. Сейчас, с этим беспорядком на голове, который невозможно устранить руками, с алыми воспаленными губами и смазанными стрелками я больше похожа на одну из тех женщин, которые за подобное времяпрепровождение неплохо получают.

«Уймись, – шикаю я на себя же мысленно. – Ты взрослая свободная женщина. У тебя три года никого не было. Можешь себе позволить».

Могу. Тем не менее, от мысли, что в таком виде я выйду на улицу и сяду в такси брезгливо кривлюсь и передергиваю плечами. Захожу в дамскую комнату на первом этаже и первым делом вытаскиваю осточертевшие линзы. Четкость изображения резко уменьшается, от чего становится легче дышать. Мутная порочная я гораздо приятнее глазу.

Нахожу в сумочке резинку для волос и делаю низкий хвост. Смываю остатки косметики мылом, наношу на стянутую кожу немного крема для рук. Обильно смазываю губы гигиенической помадой и надеваю очки. Теперь я больше похожа на студентку, которая всю ночь гуляла по ночному городу и целовалась на ветру со своим парнем. А не на ту, которая оставила отпечатки ладоней на панорамном окне.

Перед мысленным взором как по заказу появляется изображение искрящейся огнями набережной и нечеткое отражение стоящего позади меня обнаженного мужчины в прекрасной физической форме. По ребрам проносятся будоражащие мурашки, тело мгновенно откликается на интимные воспоминания, а я спешу убратись из этой семнадцатизэтажной цитадели разврата. Хотела бы сказать, навеки, но другой подработки, ровно как и желания ее искать, у меня нет, так что, до следующей субботы.

На часах только пять утра, но вся природная скромность, о которой я напрочь забыла в номере на пятнадцатом этаже, вдруг обрушивается на мою голову. Кажется, на меня пялятся и осуждают абсолютно все. Сонный администратор за стойкой, изрядно потасканный жизнью постоялец в лобби, ожидающий заселения, курящий на тротуаре за парковкой мужчина.

Я опускаю глаза и семеню прочь, решив вызвать такси из двора жилого дома неподалеку: лучше пройду сотню метров на ватных ногах, чем вызову машину к ступенькам отеля. Но не успеваю даже пересечь парковку, как наперерез выскакивает автомобиль.

Делаю вид, что меня это не касается. Поправляю ремешок маленькой сумочки на плече, повыше задираю подбородок и обхожу преградившую путь машину сзади, как вдруг она приходит в движение.

Успеваю только пискнуть от испуга и дернуться вбок, как падаю на асфальт после столкновения со стальной громадой. Мои ноги оказываются под машиной, я мычу от боли в локте, на который так неудачно приземлилась и пытаюсь выползти, одновременно с этим неловко подтирая под очками хлынувшие из глаз слезы.

Не успеваю встать, как хлопает дверца со стороны водителя, а следом в поле моего зрения показывается и сам Максим. Он грубо выволакивает меня, схватив за волосы, и хрипит от злости:

– Что же ты так неаккуратно, малышка? Жить надоело?

Я уже натурально вою от боли, обхватив его запястье пальцами обеих рук, и визжу:

– Совсем спятил?!

Максим перехватывает меня одной рукой под грудью, подтягивает выше, не отпуская волос, и шипит на ухо:

– А ты думала, твоя выходка тебе не аукнется? Выставишь меня идиотом и преспокойно пойдешь дальше?

– Помо... – успеваю я выкрикнуть, а окончание мольбы мычу в его ладонь, которую он плотно прижимает к моему лицу.

Максим открывает багажник, а мои глаза распахиваются вместе с ним. После секундного замешательства я начинаю отчаянно брыкаться и верещать, что есть мочи, но ему будто нет до этого никакого дела. Как и тому курящему в пятнадцати метрах от нас, который остается на месте и не достает даже мобильного.

Да какого дьявола тут происходит?!

Максим пытается затолкать меня в багажник, но я упираюсь в него ногами и цепляюсь пальцами, ломая ногти. Он рычит от злости, отпускает меня и разворачивает к себе. А потом отвешивает такую пощечину тыльной стороной ладони, что с моей головы слетают очки, а в левом ухе раздается колокольный звон. Я теряю равновесие и практически падаю в багажник, после чего он заталкивает мои ноги, берет одну из заранее подготовленных пластиковых стяжек и фиксирует мои руки за спиной. Следом – щиколотки.

Все, что остается – смотреть на него расширенными от ужаса и полными слез глазами и надеяться, что этот псих за время поездки в неизвестном направлении вспомнит хоть одно из слов любви, которые когда-то с придыханием шептал мне на ухо.

Ну либо это мое последнее путешествие. Потому что расстались мы, мягко говоря, некрасиво. И сегодня я катком прошлась по его самолюбию.

Глава 1

...за семь часов до

– Так, куколки, что тут у вас? – манерно осведомляется помреж, появившись за моей спиной буквально из ниоткуда.

Я слабо вздрагиваю, а Лена, мой визажист, строит недовольную мину, едва успев убрать тонкую кисть, которой рисовала стрелку, от моего лица.

– Слави-и-к, – пропевает Леночка с кровожадной улыбкой, – солнышко ты мое ясное...

Назревает конфликт. Помреж недовольно вытягивает губы, от чего они становятся похожими на ниточку. Прижимает к груди папку-планшет и надменно приподнимает выщипанные по форме брови.

– Выход через пять минут, – произносит он мерзковатым пренебрежительным тоном.

– Я в курсе, – сквозь зубы шипит Лена, не отрываясь от работы.

Я – не дышу. Если начнется война, на уши встанет все закулисье. А кровь по итогу прольется моя, потому что опоздала.

– Уже очень красиво, – пишу я тоненько, чуть только помреж, окинув нас высокомерным взглядом, отходит.

– Цыц, – шикает Лена. – Все должно быть идеально. Спасибо потом скажешь.

Лене я доверяю свято. Во всем, что касается моего лица и чуточку больше, учитывая, что мы соседки вот уже семь лет и только благодаря ее поддержке два с половиной года назад я не слетела с катушек. Но лучше бы она пояснила.

Я выхожу на небольшую сцену точно в срок. Занимаю позицию у микрофона, чувствую себя комфортно и расслабленно. Начинаю негромко петь, занавес поднимается, звучат привычные аплодисменты и даже свисты. Аккомпанирующий мне пианист берет аккорд и вдруг я замечаю в первом ряду столиков Максима. Своего бывшего. И конкретно так лажаю, внезапно потеряв и голос, и слух, и самообладание.

Пианист прекращает игру, я наклоняю штатив микрофона в сторону и аккуратно откашливаюсь в кулак. Прямо на сцене.

– Анфиса, – слышу тихий рык помрежа из-за кулис.

А я что могу? В горле будто моток колючей проволоки. Дыхание сбилось, а грудь так и норовит выпрыгнуть из тесного корсета платья.

Из зала слышатся шепотки, кто-то негромко посмеивается. Это неприятно, вообще-то. Если не сказать унижительно. Понятно, что никто особенно ни на что не рассчитывал, сидя в ресторане при отеле, но я-то знаю! У меня потрясный голос! Широчайший диапазон! Если бы не этот гандон в первом ряду...

– Прошу прощения, бывший в зале, – решаюсь я на шутливую ремарку и сразу из-за нескольких столиков раздаются смешки. – Стендапа не будет, – нервно прыснув и, немного смутившись, на пару секунд я опускаю взгляд.

Снова начинаю петь. И, что забавно, первой в репертуаре на вечер помреж будто нарочно поставил изумительную песню на французском под названием «не оставляй меня». Настолько иронично, что я громко фыркаю в микрофон и, нервно хихикая и прикрывая рот пальцами в тканевой перчатке, отворачиваюсь.

Пианист пытается растянуть мелодию, начиная импровизацию. Я медленно вдыхаю, потом выдыхаю, прячу улыбку и вновь затягиваю.

– Ne me quitte pas... – смотрю при этом прямо в злующие глаза Максима. Срываюсь и начинаю ржать в голос. – Знаете, о чем песня? – спрашиваю у публики через истеричный хохот. – Это смешно, правда. Прямо сейчас я молю не оставлять меня. Тогда не молила, а сейчас,

когда он сидит тут со своей новой пассией, молю. Славик, что там у нас дальше по списку? – Я оборачиваюсь к кулисам.

– Плевать, – обреченно роняет помреж и зал разрывается смехом.

– Тогда на мой вкус. – Я загадочно улыбаюсь и объявляю: – Дамы и господа, вашему вниманию предлагается песня, под которую он швырнул мне в лицо деньги на аборт!

Сердце он мне разбил в тишине, так что начинаю петь что-то из программы. Пианист быстро подхватывает. Шокированный зал не замечает, как дергается спутница Максима в наивной попытке встать и немедленно выйти. А я прикрываю глаза, чтобы спрятаться от безумного, полного ненависти взгляда мужчины, в объятиях которого когда-то любила просыпаться.

После выступления, когда занавес плавно опускается, а я ловлю последние аплодисменты и сочувственные взгляды, на сцену вылетает рассерженный помреж. Замечает слезы в моих глазах и опускает плечи, мгновенно теряя запал.

– Коньячку? – предлагает он на всякий случай. Я отрицательно мотаю головой и поплотнее смыкаю раздувшиеся губы. – Моя ты куколка, пойдем. – Он берет меня под локоть и уходит за кулисы. – Ни один мужик ни стоит вот этой кислой моськи, поняла меня?

Чего-то там еще жизнеутверждающее втирает, пока я размышляю над насущным. Как мне покинуть отель и не столкнуться с Максом?

– Можешь попросить девчонок в зале задержать с расчетом один столик? – прошу я помрежа.

– Конечно, тыковка моя! – помреж фыркает, закатывает глаза и беспечно взмахивает кистью. – Который?

– Где блондинка в голубом и злющий черт рядом.

– Все сделаю, топай переодеваться.

Так быстро я еще не раздевалась. Сама, во всяком случае. Выпрыгиваю из платья, ныряю в джинсы, на ходу застегиваю блузку и заталкиваю под пояс. Выхожу через вход для сотрудников и наталкиваюсь на ожидающего меня Максима.

В его глазах мелькают хищные искры, я застываю и вдруг слышу незнакомый мужской голос.

– Почему ты здесь? – немного изумленно посмеивается вышедший в круг света под фонарным столбом зеленоглазый симпатяга. На нем приталенная темно-синяя рубашка, идеально сидящая на подтянутом теле, и черные брюки, чуть зауженные к низу. Смотрит почему-то на меня. Подходит тоже ко мне, проигнорировав стоящего в метре Максима. По-хозяйски обнимает и коротко, но очень даже чувственно целует в губы. – Я ждал тебя в лобби, – сообщает он приватно.

– Засуетилась и выскочила как обычно, – виновато мямлю я, принимая помощь незнакомца. – Прости. – Я морщу нос, в который и получаю следующий игривый поцелуй.

– Ерунда. Вы знакомы? – кивает незнакомец в сторону Максима.

– Впервые вижу, – вру я. Слабо пожимаю плечами и отвожу взгляд.

– Тогда пошли. Я заказал ужин в номер.

Что он только что сказал

...за пять часов до

Не рыпаюсь, пока чувствую на своих лопатках обжигающую ладонь незнакомца и тяжелый, прибывающий взгляд Максима. То есть, аж до самого лифта. Чуть только двери закрываются, выскальзываю из объятий и жмусь к противоположной стене.

– Спасибо, – бормочу я, не глядя на мужчину.

– Нетрудно было догадаться, – отвечает он со смешком. – Он оставил свою женщину расплачиваться.

– Серьезно? – Я пренебрежительно кривлю губы и поднимаю взгляд, чтобы убедиться, что он не шутит.

– Абсолютно. И при этом она выдохнула с облегчением. – Я прыскаю и качаю головой.
– Но ужин я заказал раньше.

Бам.

Один мощный удар сердца быстро разгоняет кровь, но вся она одним стремительным потоком мчит к лицу.

– Я знаю твой секрет, – продолжает незнакомец. Теперь у меня еще и глаза округляются. Я не знаю о себе секретов, а он знает? – Все миниатюрные женщины неприлично много едят. Ты точно голодная. – Я снова прыскаю и беззвучно смеюсь. Смотрю на него с укором, а он приподнимает брови: – Я неправ?

– Допустим, прав, – увиливаю я, и теперь смеется он. Довольно громко. А еще, очень задорно и располагающе. Как мальчишка. Хотя, какой там... уже явно за тридцать. – Это не значит, что...

– Тихон, – представляется он, делая ко мне шаг и протягивая руку.

Неуклюже пожимаю.

– Анфиса.

– Тут повсюду камеры, Анфис. Я не сделаю с тобой ничего, за что могут посадить.

Неприличный вопрос вертится на языке, но задать его я не решаюсь. Да и не успеваю: двери лифта открываются на пятнадцатом этаже. Тихон указывает одной рукой на выход, а когда я делаю шаг, опускает ладонь на мою спину, не оставляя шанса на отступление.

Ноги еле переставляю. Плотное ковровое покрытие гасит звук шагов, в не широком коридоре царит полумрак и так тихо, что кажется, будто я слышу частый стук собственного сердца. Покорно следуя к номеру, пытаюсь найти какое-то элегантное решение, в конечном итоге просто останавливаюсь и произношу твердо:

– Нет.

– Нет – что?

Тихон смотрит на меня с такой обезоруживающей улыбкой, даже неловко становится. Пока не вспоминаю, что незнакомый мужик ведет меня в свой номер.

– Все, – отвечаю я с абсолютной убежденностью в голосе. – Послушай, – смягчаюсь я, – это очень мило, ты меня выручил и все такое, но к тебе в номер я не пойду. Не знаю, что тебе показалось, но это совсем не тот формат взаимоотношений, который...

Тихон внимательно слушает, прямо и открыто глядя мне в глаза. А потом вдруг несильно хватает за горло, большим пальцем поддевая подбородок, и врывается в мои губы с требовательным поцелуем. От шока приоткрываю рот, чтобы вдохнуть разом побольше кислорода, и он проникает языком внутрь, сбивая с толка и дезориентируя.

Определенно, факт такого наглого вторжения меня возмущает. Как и то, что он прервал меня где-то на середине здравомыслящего монолога. Но этот парень точно знает, что делает. Я дурею за три секунды, не больше. И аккуратно в тот момент, когда я уже не хочу, чтобы это безобразие прекращалось, он вдруг отстраняется.

Смотрит в мои наверняка остекленевшие глаза, ведет ладонью от шеи к щеке, касается большим пальцем нижней губы и ждет, будто спрашивая, хочу ли я продолжить.

Все мое естество однозначно орет «да!».

– Нет, – вырывается из меня на удивление разборчиво.

На губах Тихона появляется ухмылка, а в глазах щелкают кнутами озорные черти, принимая вызов. Он давит ладонью на мои лопатки, импульсивно протягивая к себе. И вместе со случайным томным выдохом, совершенно точно вырвавшимся из меня против воли, раздается негромкий звонок остановившегося на этаже лифта.

Я машинально поворачиваю голову и в следующую секунду, успев увидеть только профиль вышедшего, обхватываю Тихона за шею. Теперь мои глаза, уверена, транслируют настоящую панику. В ответном взгляде читается явное неудовольствие.

Тихон без охоты снимает мои руки со своей шеи, расправляет плечи и встает ко мне спиной, загораживая собой.

– Что-то хотел? – холодно обращается он к Максиму.

– Этажом ошибся, – отвечает тот насмешливо.

– Если надо помочь спуститься, только скажи.

После этой ремарки Тихона становится не по себе. Я касаюсь пальцами его напряженной спины, пытаюсь без слов дать понять, что у него могут быть серьезные проблемы, но он даже не реагирует. Дождается, когда Максим вновь зайдет в лифт и кабина придет в движение, берет меня за руку и ведет к своему номеру.

Я уже безропотно следую за ним, на тот момент руководствуясь исключительно инстинктом самосохранения. И почему-то взбешенный бывший видится мне большим злом, чем совершенно незнакомый мужчина.

– Зачем ты нарываешься? – спрашиваю я немного трагично, когда Тихон открывает номер.

– Мечтаю однажды вырасти и стать тем, кого хотел бы видеть рядом со своей дочерью, – хмыкает он, втягивая меня за собой. Я бросаю затравленный взгляд на его правую руку, а он захлопывает за моей спиной дверь, кладет мою руку на свое плечо, поднимает в воздух, схватив за ягодицы, и раздвигает мои ноги, обхватывая ими свои бедра. – В разводе, – сообщает он коротко.

Припечатывает своим телом к двери и отпускает тормоза.

...настоящее время

Когда выезжаем загород, хочется одновременно и выдохнуть, и как следует разрыдаться. Первое – по причине того, что мы наконец-то едем по прямой, и меня не швыряет по багажнику на каждом повороте. А вот поводов для слез хоть отбавляй.

С Максимом мы познакомились, когда мне было всего двадцать один. За плечами лишь одни неудавшиеся отношения с сокурсником, один сексуальный партнер и забитая пустыми мечтами голова вкупе с острой нехваткой денег. По причине тотальной несобранности я не могла удержаться ни на одной работе и единственным решением для меня стало пение на улице. Там-то он меня и увидел.

Закрутилось быстро. Максим на восемь лет старше, ему не составило труда покорить мое сердце. И романтика была, и подарки. Ужины при свечах, слова любви, пустые обещания. Всего в избытке. И каково же было мое разочарование, когда выяснилось, что ни я, ни даже его собственный ребенок ему не нужны.

Однако то, что он творит сейчас, переходит все мыслимые и немыслимые границы. Я и подумать не могла, что он способен причинить мне физическую боль. Даже вчера, когда видела в его глазах слепую ярость, это казалось дикостью. Я не хотела чувствовать страх и совершенно точно не была готова к боли.

Не знаю, что с ним случилось за те три года, что мы не виделись, но явно что-то нездоровое, раз он ведет себя как последняя мразь. Но не убьет же он меня из-за испорченного свидания?

За мыслями не замечаю, как летит время. Только когда Максим съезжает на проселочную дорогу, а меня вновь начинает трясти, неуклюже сажусь. Лучше бы не высывалась... Максим замечает меня и резко бьет по тормозам. Не имея никакой поддержки, улетаю вперед лицом и успеваю только повернуть голову, чтобы не расквасить себе нос об дверцу. Больно быюсь скулой, чувствую во рту привкус крови и даже не пытаюсь сдержать слез.

Вскоре машина останавливается. Максим ненадолго выходит, затем проезжает еще десяток метров. Глушит мотор, прикуривает в машине, быстро заполняя салон едким дымом. Потом выходит докурить на улицу, оставляя меня мариноваться внутри. Определенно, в издевательствах он поднаторел.

Когда открывается багажник, ровно секунду я рада этому обстоятельству. До того момента, пока он вновь не хватает меня за волосы и не приподнимает.

– Ну что, моя маленькая лицемерная сучка? – подло хмыкает Максим. Делает последнюю затяжку, выбрасывает в траву окурок, а дым выдыхает мне в лицо. Я задерживаю дыхание, закрываю глаза и морщусь. – Сейчас найдем применение твоему длинному язычку. Будешь себя плохо вести – останешься без зубов.

Максим ныряет в багажник и взваливает меня на свое плечо. Распрямляется у машины, смачно шлепает меня по ягодице и несет в дом, который я успела мельком увидеть.

«Так, спокойно, – думаю я лихорадочно. – Ничего ужасного не происходит. Все, что он может придумать своим ссохшимся мозгом я уже делала по доброй воле и даже получала какое-никакое удовольствие».

Проходим в дом. Максим не разувается, на полах и мебели большой слой пыли. Пока он несет меня до гостиной становится ясно, что тут либо давно не жили, либо давно не убрали.

Максим неаккуратно перекладывает меня на диван, сам устраивается в стоящее рядом глубокое кресло, широко расставляет ноги. Но пугает скорее его взгляд. Столько ненависти... с чего бы вдруг?

– Ну что? Будешь хорошей девочкой?

– Да, – отвечаю я поспешно, неотрывно тараща в его злые глаза.

– Прекрасно, – презрительно кривит он губы и тянется руками к паху. Расстегивает пряжку ремня, пуговицу, ширинку.

– Развяжешь? – спрашиваю я с мольбой. – Мне больно...

– Потерпишь, – ехидно улыбается Максим и приспускает боксеры, вываливая свое драгоценное сокровище.

Я спускаю ноги с дивана, встаю и падаю на колени. Если честно, даже униженной себя не чувствую. Сейчас невозможность свободно перемещаться в пространстве скорее на руку. Все надеюсь на какую-то гениальную мысль, но в голове крутится только один вопрос.

– Можно спросить? – шепчу, достигая его колен. Смотрю снизу вверх.

– Пока – отсосешь. Дальше видно будет, – мерзко ухмыляется Максим.

– Это понятно. Я о другом. – Я сглатываю и покусываю нижнюю губу, ожидая разрешения.

Максим раздраженно закатывает глаза.

– Ну, – рыкает он на меня.

– Почему я лицемерка?

– Ты, мать твою, еще спрашивать будешь?! – ревет он медведем и отвечает очередную пощечину.

Я заваливаюсь вбок, прямо между низким деревянным столиком, вокруг которого расставлена мягкая мебель, и диваном. Судорожно выдыхаю, ощутив, что только что была на волосок от встречи с близкими, но настырно прошу:

– Пожалуйста, ответь. Я все сделаю. Все, что скажешь. Только ответь на единственный вопрос.

– Хочешь услышать, да? – смеется он зло. – А давай я тебе встречный задам, а? – Максим подается вперед и вбок, чтобы быть ближе ко мне и шипит: – На что же ты потратила те бабки, которые я оставил на аборт?

По спине проносятся мурашки, а лопатки сковывает могильным холодом. Я прикрываю глаза, делаю короткий неровный вдох. И на выдохе отвечаю:

– На памятник.

Глава 2

Минуту ничего не происходит. Я лежу неподвижно, чувствуя, как немеет рука. И когда слышу, как он шуршит одеждой и застегивает молнию на брюках, от облегчения по телу проносится волна дрожи.

Максим хватается меня под локоть, помогает снова встать на колени перед ним.

– На меня смотри, – рыкает он, но прежней злобы в голосе нет. Я открываю глаза и смотрю на него сквозь слезы. – Говори, – приказывает Максим грубо.

– Кровотечение на позднем сроке, – произношу я через силу. – Я ее не убила, Максим. Я ее потеряла, – последнее я уже еле договариваю.

Губы кривятся, сдерживать слезы нет никакой возможности. Я роняю голову и громко всхлипываю, опускаясь все ниже, пока не упрусь лбом в его колено.

Максим возится, чем-то щелкает, а через пару секунд рукам становится легко и комфортно. Я сразу же подношу их к лицу и тру глаза. И не сопротивляюсь, когда он сажает меня к себе на колени. Ни на что уже сил нет.

– Все, не плач, – бубнит он, обняв меня. – Погорячился.

– Погорячился?! – взвизгиваю я, почувствовав прилив сил и открыв глаза.

Максим морщится и недовольно смыкает губы.

– Не визжи. Не режу.

Я кошусь на его руку, в которой он держит складной нож. Он пропускает его под стяжкой на моих щиколотках и разрезает пластик. А потом вонзает нож в подлокотник кресла одним безжалостным движением. Я только глаза пошире распахиваю, перестав рыдать.

– Когда ты таким стал? – бормочу я, ставя брови домиком.

– Когда я таким не был? – язвительно парирует Максим. Сворачивает голову в сторону, справляясь с раздражением. – Как это случилось?

– Не знаю. – Я апатично пожимаю плечами. – Все хорошо было. Седьмой месяц, никаких патологий. А потом вдруг такая резь... я на улице, возвращалась с работы. Частным сектором пошла, так быстрее до поселка. Упала, шевельнуться не могу. Пока нашли, пока скорая... Как меня откачали – неясно. Как и зачем.

– Херни не неси, – бурчит Максим. – Родишь еще. Девочка?

– Тихонова Маргарита Максимовна, – говорю я с дрожью, пытаюсь снова не зареветь.

– Как мать мою назвала, – выдувает Максим. – Спасибо.

Кладет лапу на мою голову и целует в макушку. И так странно это... я чувствую, как его мелко трясет.

– Спасибо? – лопочу я плаксиво. – Спасибо? Ты велел мне избавиться от нее!

– Ну, велел. Я же знал, что ты сделаешь по-своему.

– В смысле?! – снова перехожу я на визг.

– В коромысле! – хамит Максим. – На ухо мне не ори, истеричка!

– Ты больной, – ставлю я диагноз и пытаюсь подняться с него, но он смыкает на мне руки.

– Отпусти, – бесполезно пыхчу я, отталкиваясь от него.

– Я сейчас снова свяжу тебя, – шипит Максим негромко. – А перед этим раздену, чтобы потом не заморачиваться.

– И что? – Я дерзко вскидываю подбородок. – Трахнешь? Как страшно! Никогда такого не было и вот опять!

– Храбрая, да? – с трудом сдерживает он смех. – Трахнуть тоже можно по-разному.

– Делай, что хочешь, – отмахиваюсь я от него, отворачиваясь. – Психопат. Что это вообще значит? – Я снова резко поворачиваюсь.

– Что именно? – приподнимает он одну бровь.

– То, что ты сказал, – шикаю я, теряя терпение. – Зачем было требовать аборт, если знал, что я его никогда не сделаю?

– Затем, что не мог участвовать в жизни ребенка. На тот момент. И бабок оставил столько, сколько ни один аборт не стоит. Как по мне, вполне можно было догадаться.

– Тридцать пять тысяч, которые ты вытащил из бумажника – это, по-твоему, большие деньги? Ты бы хоть ценник погуглил, – презрительно сморщиваюсь я. – На коляски, например.

– Я о тех, что оставил после, – мрачно отвечает Максим и приглядывается ко мне. – Семь мультов, на первое время. Потом было бы больше, но, когда я приехал посмотреть, как выглядит мой ребенок, не увидел даже пустышки в квартире.

– Ты дурной? – бормочу я почему-то очень низким голосом. – Какие семь мультов?

– Которые я оставил в твоей квартире на следующий день, – четко произносит Максим.

– Ну значит, меня ограбили, – развожу я руками и нервно выдыхаю: – Плевать.

– Нихера... – шипит Максим зловеще. – И, если я узнаю, что ты мне вкручиваешь, точно без зубов оставлю. Посажу тебя на цепь во дворе и запрещу гавкать. Поняла?

– Почему ты не мог участвовать? – спрашиваю я то, что действительно важно.

– Не лезь в это. Уже неважно. Я выполнил все обязательства, никаких претензий ко мне больше нет. Где могила?

– На том же участке, где родители.

– Не одна. Хорошо, – отвечает он глухо, а я поджимаю губы и зажимаю переносицу, приказывая себе не раскисать. – У кого еще были ключи от твоей квартиры?

– Только у тебя, видимо, – отвечаю я резко. – Хотя и их не давала. Может, тебе приснилось, что ты такой щедрый?

– Не нарывайся, – гремит Максим вполголоса. – Что у тебя с Карелиным?

– С кем? – морщусь я, а он широко распахивает глаза.

– Серьезно?

Карелин... какая-то фамилия знакомая. Точно уже слышала. Так, стоп.

– Ты о Тихоне? – уточняю я, чуть сощурившись.

– О Тихоне, – кровожадно улыбается Максим.

– Вы знакомы? – Максим медленно вдыхает, а выдыхает, по ощущениям, огнем. – Ничего серьезного, – быстро отвечаю я на его вопрос. И ведь даже не вру. Только что-то не сходится... – Я не знала, что вы знакомы.

– А мы и не знакомы, – ухмыляется Максим. – Этого шакала знает каждая псина в городе, только и всего.

«Так... и почему я решила, что если мужик снял номер в отеле, то он не местный? Вот глупая... впрочем, что это меняет? Не видела его до этого, не увижу и после. Карелин, Карелин... Где же я слышала эту фамилию?», – быстро проносится в моей голове.

– И что? – спрашиваю я невозмутимо. – Боишься, что самого на цепь посадят за то, что ты сегодня мне устроил?

– А кто узнает? – Максим пытается напугать меня своей наглой рожей.

– Ты затолкал меня в багажник у отеля. Там повсюду камеры, – повторяю я слова Тихона.

– До туда не быют, – «мило» улыбается мне Максим.

– То есть, – сглатываю я ком, – отпускать ты меня не собирался?

– Догадливый малыш.

Максим встает вместе со мной, швыряет на диван и идет к входной двери.

– Ты куда? – бормочу я ошалело. Подрываюсь с дивана и кричу: – Максим! Максим!!!

Бегу за ним, но догнать получается только у машины. Из багажника которой он достает моток не толстой веревки и охапку стяжек.

– Что предпочитаешь? – спрашивает он у меня, иезуитски улыбаясь.

– Чтоб ты катился ко всем чертям! – кричу я во всю мощь легких.

Через пять минут бесполезных трепыханий снова оказываюсь на диване, обмотанная веревкой по рукам и ногам.

– Еще раз заорешь – заклею рот, – предупреждает Максим грозно, прежде чем уехать.

Чуть только хлопает дверь, пытаюсь освободиться, но, тщетно. Максимум, на что я оказываюсь способна – почесать собственную щиколотку. Воюю со своими путами еще какое-то время, а когда совершенно выбиваюсь из сил, закрываю глаза и не замечаю, как засыпаю.

Просыпаюсь я от того, что мои согнутые в коленях ноги заваливаются на бок. Дергаюсь, неожиданно имею возможность распрямиться. Веду плечами и стону, не открывая глаз:

– Руки...

Максим хмыкает и разрезает все веревки, а я устраиваюсь удобнее и снова отключаюсь, пока не чувствую запах жареной картошки.

Принохиваюсь, приоткрываю глаза и не сразу соображаю, почему по-прежнему темно. Резко сажусь и только тогда понимаю, что уже поздний вечер. Выхожу из гостиной, вижу Максима на кухне. Игнорирую его присутствие в доме и прогуливаюсь по первому этажу в поисках ванной. Нахожу новую зубную щетку, пасту, полотенца. Привожу себя в порядок и возвращаюсь к кухне, гонимая страшным голодом.

– Ну вот и что? – спрашиваю я недовольно, опустошив тарелку.

– Красивый, – отвечает Максим, не поднимая взгляда от тарелки.

– Кто? – устало выдыхаю я.

– Что, – поправляет он, откладывая вилку. – Памятник.

– Макс... – бормочу я и закрываю лицо ладонями. – Хватит уже надо мной издеваться. Хватит, прошу. Отвези меня домой. Мне завтра на работу.

– Я все исправлю. Я знаю как.

– Что?.. – лопочу я и опускаю руки на стол. – О чем ты?

– Обо всем. О нас. Я все исправлю, Анфис. Деньги теперь есть. Дом этот. Я его для тебя купил. С мелким. Почему-то думал, будет пацан.

– Хватит, – прошу я, стирая скатившиеся по щекам слезы. – Ничего уже не вернуть.

– И я найду, кто это сделал, обещаю.

– Кто сделал что? – напрягаюсь я еще сильнее. Телефон Максима вибрирует на столе, он тянется к нему рукой, а я шикаю: – Даже не думай отвечать сейчас.

– Я сказал все, что планировал, – отвечает он холодно и подносит телефон к уху: – Да.

– Слушает недолго, как-то странно косится на меня. – Как? – Снова слушает ответ. – Давно нашли? Ясно. Еще на даче, да. И это тоже предельно ясно, – хмыкает Максим. – Разузнаешь? – последнее, что он спрашивает, прежде чем сбросить вызов. Опускает телефон на стол, раздраженно цокает языком. – Ничего не хочешь мне сказать?

– Я сказала все, что планировала, – откровенно ехидничаю я.

– Разве? И как я только пропустил ту часть, где ты подсыпашь яд Карелину, дожидается, когда он откинется и преспокойно выходишь?

– Чего? – переспрашиваю я с выпученными глазами.

– Ничего не имею против, он был тем еще заносчивым гандоном, но лучше бы тебе пояснить. Потому что иначе нам обоим крышка.

– Что ты несешь? Этого не может быть, – продолжаю я настырно отрицать происходящее.

– Никто больше не входил и не выходил. Только ты.

– Значит он самоубился! – нервно взвизгиваю я.

– Карелин-то? – хмыкает Максим. Вновь берет вилку в руку, нанизывает картошку, с каким-то отрешенным выражением лица отправляет ее в рот. – Ты была так хороша, что он решил, что в жизни уже не будет ничего лучше? Вариант. Подумай, как протолкнешь его следствию.

– Максим, это шутка такая? Мне не смешно.

- Тебе заплатили? Заставили? – продолжает топить вопросами и есть.
- Когда я уходила, он спал!
- Мертвым сном?
- Ты всерьез думаешь, я способна убить человека?!
- Никто больше не входил. И не выходил, – повторяет он уперто. – Я думаю то же, что и все. Чем докажешь обратное?
- Бред какой-то, – бормочу я себе под нос, обеими руками откидывая волосы с лица. – Ты просто разыгрываешь меня. Или запугиваешь. А Тихон на самом деле жив. Конечно, жив! Что ему будет?!
- Анфиса, я не шучу, – равнодушно произносит Максим.
- Берет свой телефон, копается в нем, потом протягивает мне. Я забираю его и едва не роняю из-за дрожи в пальцах. Смотрю на снятую украдкой фотографию, как из отеля выносят тело в черном мешке и чувствую, как кровь отливает от лица.
- Быть не может... Он заказывал ужин в номер, – произношу я заторможенно. – Мы ели... холодное. Я сделала глоток вина, он выпил бокал виски.
- Уже что-то.
- И после этого еще три часа он был абсолютно здоров, Максим.
- Три? – переспрашивает Максим и уважительно кивает. – Мужик.
- Хватит, а? – огрызаюсь я и нервно толкаю от себя тарелку.
- А какой реакции ты от меня ждешь? – вскидывает он брови.
- Уж явно не обвинений!
- Ну три часа, Анфис, – укоризненно склоняет он голову. – Да тебе ни один мужик не поверит. Но молись, чтобы следователь попался именно мужик, потому что трехчасовой половой акт для женщины – это серьезный мотив.
- Достаточно, – цежу я сквозь зубы и решительно поднимаюсь. – Сама поеду в следственный. Пусть разбираются.
- Отважная малышка. И что же ты им скажешь? Что заглянула к нему дожидаться первого трамвая?
- Что не настолько тупа, чтобы планировать убийство на своем рабочем месте, которое, ко всему прочему, увешано камерами! – рывкаю я, не выдержав. – И не психопатка, чтобы таскать с собой яд просто так, на случай если приспичит его кому-нибудь подсыпать!
- Что ж, звучит вполне разумно. Только до следственного ты не доедешь. Сядь. Ощущение, что это чья-то тупая шутка, не отпускает.
- Я продолжаю стоять и Максим рывкает:
- Сядь!
- Одновременно с этим толкает свою тарелку вбок. Раздается звон битой керамики, а когда вновь повисает тишина, я медленно опускаюсь обратно.
- Итак, вот тебе факт номер один – мы в дерьме. Мы оба. Ты по очевидным причинам, я – косвенно. Когда они пересмотрят камеры за весь вечер, увидят и меня, следующего за вами по пятам. Так что, сейчас мы на всякий случай соберем продукты и свалим отсюда.
- Хорошо, – мямлю я тихо.
- Можешь начинать, – рыкает он, а я подсказываю и иду напрямик к холодильнику.
- Факт номер два. Следственный – далеко не главная наша забота. Брат Карелина – вот это проблема. Он наверняка захочет побеседовать лично. И учитывая, что все указывает на тебя, ничем хорошим этот разговор не кончится. Нужно успеть нарыть хоть что-то. Пакеты под раковину.
- Ага, – брякаю я и несусь к ней. – Куда мы?
- Пока не знаю. Возьми еще подушки и одеяла со второго этажа. На крайняк, переконтуемся в тачке.

– А как мы... – начинаю я было, а он снова повышает голос:

– Я не знаю, Анфиса! Собирайся и не зуди!

Пока он относит в машину пакеты, я спускаю одеяло и подушку, с трудом обхватив их руками.

– Ты где там? – посмеивается Максим, раскапывая мою голову.

– Максим, мне страшно, – признаюсь я дрожащим голосом.

– Приятного мало. Но ничего. Разберемся. Со всем. Давай сюда. – Максим с улыбкой забирает все из моих рук. – Тащи второй комплект, ночи еще холодные.

Я мелко киваю и тороплюсь наверх. Стягиваю большое двuspальное одеяло, с сомнением смотрю на подушку и прихожу к выводу, что лучше сбегать за ней еще раз. Практически ничего не вижу перед собой, пока спускаюсь. Кое-как добредаю до входной двери, как вдруг влетает Макс. С силой толкает меня, а когда я падаю, расправляет поверх меня одеяло.

Только я собираюсь возмутиться, как слышу топот явно не одного человека. Тело сковывает страхом, а вот воздуха становится катастрофически мало.

– Какие дела, мужики? – беспечно интересуется Максим.

– Девка где? – рявкает незнакомый мужчина.

– Если бы тут была девка, вы нашли бы ее подо мной, – нагло хмыкает Максим, а через секунду раздается оглушительно громкий выстрел.

Из груди рвется крик, но застревает где-то в горле. Я чувствую вибрацию по полу. Сначала от того, что что-то грохнулось, а потом от быстрых шагов. Страшная догадка не дает возможности даже пошевелиться, а сердце стучит так, что становится чудовищно страшно от мысли, что кто-то может его услышать.

– Проверь наверху! – слышу откуда-то из гостиной.

Адреналин резко бьет в голову. Я выглядываю из-под одеяла и едва успеваю закрыть себе рот, чтобы не заорать. Выдуваю через пальцы, на секунду зажмуриваюсь, прогоняя слезы. Тянусь к безжизненной руке Максима, лежащей прямо возле меня и, дрожа всем телом, вытягиваю из его пальцев ключ от машины.

Я глухо мычу, зажимая ключ в ладони. Смотрю, как белоснежное одеяло пропитывается кровью. Выбираюсь на четвереньках, бросая последний взгляд на белое лицо Максима с небольшим отверстием между бровями.

– Прости, – шепчу я, боясь скатиться в истерику.

Поднимаюсь с рывка и бегу к машине.

– Тачка! – слышу крик из дома, уже открывая дверцу.

Я запрыгиваю на водительское место заведенной машины, выжимаю тормоз. Одной рукой переключаю передачу, второй захлопываю дверцу и давлу на газ еще до того, как успеваю схватиться за руль.

Колеса проскальзывают по влажной от моросящего дождя траве, раздается выстрел. Я взвизгиваю и вжимаю голову в плечи, а когда машина дергается, забываю, как дышать. Вылетаю через открытые ворота, с трудом вхожу в незнакомый поворот.

Меня трясет. Кажется, в тот момент я почти теряю сознание. Задеваю бампером забор, дергаю рулем в противоположном направлении, машину заносит. Я почти отпускаю педаль газа, испугавшись еще, что расшибусь до того, как меня поймают. Но машина возвращается в колею, и я выжимаю из нее все, на что только мы обе способны.

На углу участка стоит внедорожник, на котором, по-видимому, и приехали убийцы. Я пролетаю мимо него, рассчитывая на фору в сумасшедшей гонке, но замечаю слепящий свет фар по зеркалам еще до того, как успеваю выехать на шоссе.

Не знаю, что мной движет в тот момент. Страх, адреналин, инстинкты, о наличии которых я даже не подозревала. Но в голове нет ни одной лишней мысли. Все мое сознание сосредоточено на попытке оторваться от преследователей.

На шоссе я вылетаю крайне неаккуратно. Мне сигналият, пытаются «проучить», обогнать и оттормозить. Но человек за рулем вряд ли понимает, что мной руководит. Что его проделки – это детская шалость в сравнении с тем, что меня ждет, если я хоть на малость сбавлю скорость.

Дернув рулем, я перестраиваюсь вправо. Быстро догоняю фуру, вклиниваюсь между ней и еще одним автомобилем. Снова и снова обгоняю остальных участников дорожного движения, толком ничего не вижу без очков, и не попадаю в аварию только из-за бдительности и аккуратности других водителей. Не представляю даже, как буду выкручиваться, как вдруг впереди показывается мост через реку. Знаю точно, там по две полосы в каждую сторону. Между ними – отбойник.

Они близко. Они почти нагнали меня еще по проселочной дороге, в зеркалах периодически вспыхивает слепящий дальний свет, который в потоке не включит ни один адекватный водитель. У меня в запасе секунд пять, не больше.

На мосту почти нет машин. Основное скопление автомобилей вперемишку с грузовиками мне удалось обогнать, игнорируя правила дорожного движения и сильно рискуя, вылетая на встречку. От того-то в мою голову пробирается малодушная затея спровоцировать аварию. Но все эти люди... что, если кто-то пострадает? Я себя возненавижу.

Когда я приближаюсь к очередной фуру, плетущейся в правом ряду, начинаю истошно сигналить, пытаюсь привлечь внимание водителя. Нажимаю на кнопку в двери и открываю окно.

В салон врывается холодный ночной воздух. Волосы разметает по всем сторонам света, я щурюсь и приближаюсь к рулю. Обгоняю фуру и прерывисто торможу. Если и этот вариант не сработает, мне уже ничего не поможет.

Водитель фуры давит на клаксон, громко гудит и наверняка злится. Я высовываю руку в окно и жестами пытаюсь сдвинуть громаду позади себя в сторону. Виляю по дороге, показывая на собственном примере. Водитель снова сигналиит, не понимает, что я от него хочу. Мы почти въезжаем на мост, я вновь ловлю ослепляющий световой поток через боковое зеркало, закрываю окно и разгоняюсь, оставляя бредовую затею.

На мосту обгоняю еще одну фуру. И в тот момент, когда проношусь мимо, водитель вдруг сигналиит. Я дергаюсь от неожиданности, едва не влеваю в отбойник. Проезжаю мимо, бросаю взгляд в зеркало заднего вида и вдруг вижу, что фура раскорячилась между полос и постепенно сбавляет скорость, полностью блокируя движение через мост в сторону города.

Я громко всхлипываю и часто моргаю, от радости начиная реветь в голос. Шмыгаю носом, одной рукой вытираю льющиеся сплошным потоком слезы. После моста проезжаю еще несколько километров, а потом сворачиваю на заправку на противоположной стороне дороги, разворачиваюсь через нее и еду в обратном направлении.

Я не сумасшедшая. Напротив. По логике, они будут искать меня там, дальше, в городе. А у меня, надеюсь, появится хоть несколько часов на осмысление.

Когда я подъезжаю к мосту, движение начинает восстанавливаться. Уверена, одним из первых же встречных автомобилей пронесется тот, что преследовал меня. Но я аккуратно еду в правом ряду, держась на одном уровне с какой-то бэхой. Еще раз проезжаю мост, пропускаю пару съездов направо, ухожу влево. Немного плутаю вдоль посадок и черных пахот полей, не особенно заморачиваясь над тем, как буду выбираться обратно. Торможу, до упора отодвигаю назад водительское сиденье.

Ору.

ОРУ.

До визга, до хрипа, до боли в горле.

Сжимаю кулаки до ломоты в пальцах, рана ладони неровными обломанными ногтями.

Я делаю глубокий вдох и хочу повторить, но только со стоном выдыхаю. На несколько секунд закрываю глаза и тру лицо, стирая с него гримасу ужаса. Двигаю сиденье на место и глушу двигатель, чтобы не расходовать попусту бензин.

Макс... еще несколько часов назад я мечтала, чтобы он провалился сквозь землю. Три года я вспоминала о нем, как о худшем эпизоде в своей жизни. Не очень-то поверила в его байки о миллионах и большом желании обзавестись потомством. Но смерти я не желала ему никогда. И уж точно не хотела стать ее причиной.

Эти люди приехали не для разговоров. Они приехали убить. Хладнокровно выстрелили в Максима и палили в машину. Просто я, со своими скудными навыками вождения выписывала такие фортели на мокрой траве, что они не смогли предугадать траекторию движения.

Возможно, в темноте все кошки серые, но складывается впечатление, что тот мужчина, который курил у забора отеля, поджидал именно меня. Не знаю, как они обманули камеры на этаже, но, убив Карелина и подставив меня, логично избавиться от того, кто может хотя бы попытаться опровергнуть эту версию. Даже следователи так быстро не смогли нас разыскать. Конечно, ведь чтобы заподозрить Максима, им пришлось бы пересмотреть не один час записей с камер. Эти – точно знали, кого ищут.

Только что я могу? У меня ни денег, ни связей. Истерить и распалиться перед Максимом можно было сколько угодно, но ни в какой следственный я не пойду. Не станут они меня слушать. Зачем? Вот мертвый мужчина, вот подозреваемый, на которого указывают улики. У них этих дел и без того как грязи. А мотив...

Горько хмыкаю.

Карелин. Ну, конечно. Полина Карелина – моя ученица и его дочь. Ее всегда провожала и встречала няня, но доказать, что в ту ночь в отеле я видела его впервые, я не смогу. Над служебным входом тоже есть камера. И она записала нашу теплую встречу. Все выглядит так, будто между нами давно была связь. Манипулируя этим фактом, можно выстроить любой мотив. Да и яд – чисто женский способ убийства. Коварный, не требующий физической подготовки.

Бежать.

Единственный выход для меня – сбежать так далеко, как только получится.

В квартиру нечего даже пробовать соваться. Это – первое место, где меня будут искать. На машине Максима раскатывать опасно, пользоваться паспортом я не могу, попутки – страшно. Остаются только электрички.

Но есть одно дело, без которого я не могу покинуть город.

Через салон я лезу в багажник, где нахожу свою сумочку. Завожу двигатель, ставлю телефон на зарядку и прокладываю маршрут до ближайшей станции в нужном направлении.

Доезжаю, когда уже светает. Сразу же отключаю мобильный. Ставлю изрепеченную пулями машину подальше, втиснувшись между какой-то обветшалой постройкой и буйными кустами сирени. Около часа жду первую электричку. Собираю самые сытные продукты в один пакет, на всякий случай прихватываю фонарик, зажигалку, складной нож и карту памяти из видеорегистратора. Если меня поймают, смогу хотя бы доказать, что не убивала Максима.

С тоской смотрю на одеяло. На улице сильно похолодало, да еще эта противная морось, от которой мои волосы начинают виться. На мне – грязные джинсы и некогда белая блузка, сквозь которую просвечивает бюстгальтер. И мурашки, каждая размером с лошадиную голову.

Немного поразмыслив, я снимаю наволочку с подушки. Задираю блузку, обматываюсь наволочкой,правляю все в джинсы. Так хоть чуточку теплее, и в глаза не бросается. Справлюсь. У меня выбора нет.

На дорогу уходит почти два часа. Я спрыгиваю с платформы на пути, забираю свой пакет и через овраг иду к кладбищу, где похоронены все мои близкие. Очень стараюсь держать себя в руках, но чуть только замечаю вдалеке крылья скорбящего над моей малышкой ангела, по щекам скатываются слезы.

Невольно вспоминаю слова Максима. Кого он там хотел наказать? За что? Говорил так, будто мое кровотечение – не случайность. Если честно, зерно истины в этом есть: ничто не предвещало подобный исход. Я молода, здорова и соблюдала все рекомендации своего гинеколога. Не было даже анемии, я прекрасно себя чувствовала. Может, и меня отравили? Добавили что-то в воду, бутылка с которой всегда стоит на моем столе в школе, или в принесенный из дома контейнер с едой. Но я даже не почувствовала. Не помню, чтобы хоть что-то в тот день показалось мне странным, кроме внезапной адской боли в животе.

На могиле Маргариты лежит огромный букет бордовых роз, который наверняка оставил ее отец. Увидев его, я громко горько всхлипываю и закрываю рот ладонью. Зажмуриваюсь, пытаюсь справиться с эмоциями, притопывая одной ногой.

– Вот и познакомьтесь, – скрипуче произношу я вслух, чем окончательно добиваю себя.

Срываюсь в рыдания. Сгибаюсь пополам, потом сажусь на корточки, коленями упираясь в бортик цветника. Может, не нужно мне никуда? Тут останусь, со своей девочкой. Буду питаться тем, что оставляют на помин. Кто станет искать меня на кладбище?

Всю бредовость собственных мыслей, конечно же, осознаю. Кое-как собираюсь с силами, встаю, вытираю рукавом лицо.

Если Максим прав, кто это мог быть? Кто имел доступ к тому, что я ем и пью? Еще эти деньги, которые он якобы оставил. Кто-то влез в мою квартиру, пока я сама была на работе. Что, если это – один и тот же человек? Что, если все, что сейчас происходит – отголоски прошлого?

Допустим, кто-то украл деньги. Неважно пока, как некто о них вообще узнал. Пробрался в мою квартиру, забрал то, что ему не принадлежит. А потом у меня начал появляться животик. Я немного стеснялась его из-за отсутствия не то, что мужа, близкого мужчины, выбирала одежду попросторнее, но в какой-то момент он стал настолько заметен, что не укрылся от взгляда вора. Он понял, на что были деньги, запаниковал. Ведь после рождения я вполне могла через суд вынудить отца платить алименты, и тогда бы все вскрылось.

Затем он подсыпает что-то мне в еду, от чего начинается кровотечение. Я теряю ребенка, дело в шляпе. Что дальше? Он узнает, что Максим забронировал столик в ресторане отеля, где я пою, наша встреча неминуема и чем она обернется остается только гадать. Травит моего любовника, подставляет меня и...

– Бред, – бормочу я и морщусь.

Нет, то, что случилось в отеле, никак не связано ни со мной, ни с Максимом. Все дело только в Карелине. Именно он перешел кому-то дорогу. Избавились от него и очень удобно свалили все на меня. А может, самой найти его брата? А что? Он-то меня точно выслушает. И у него наверняка больше возможностей и мотивации докопаться до истины, чем у меня.

Идея кажется такой здравой, что я сразу же лезу в сумочку за телефоном. Должно же быть в интернете хоть что-нибудь полезное? Хоть юридический адрес какой-нибудь оформленной на него организации или вроде того. Сейчас же каждый встречный и поперечный бизнесмен.

– Ну давай, – подгоняю я медленно запускающийся смартфон, как вдруг из-за моей спины появляется мужская рука.

От неожиданности я глухо вскрикиваю и дергаюсь в сторону. Спотыкаюсь о пакет с продуктами, едва не падаю, роняя телефон. Мужчина ловит меня, обнимает обеими руками и обдает горячим дыханием мой затылок. И так от него знакомо пахнет, что у меня начинает мутиться сознание.

В голову лезут разом все страшилки, которые когда-либо слышала о кладбище. Его руки, покоящиеся на моем животе такие холодные, что мороз пробирается под кожу. Тьма вокруг меня сгущается, черные точки медленно, но неотвратимо поглощают картинку перед глазами. И чтобы убедиться, что моим глупым страхам есть одно простое объяснение, я оборачиваюсь через плечо.

Моих губ касаются ледяные его, и я падаю в обморок.

Глава 3

Я прихожу в себя от мерных покачиваний. С одного бока приятно припекает и создается впечатление, что я уснула на надувном матрасе и мое тело ласкает горячее летнее солнышко. Даже улыбаюсь своим мыслям, пока откуда-то сверху не раздается смешок.

Распахнув глаза, я вижу прямо перед своим носом мужское плечо и сдавленно мычу, пытаюсь вернуть себе контроль над ситуацией или хотя бы вертикальное положение. Отталкиваюсь от мужчины и дрыгаю ногами. Он подбрасывает меня и шикает:

– Угомонись. Или поташу тебя за волосы и на этот раз тебе не понравится.

– Ты жив?.. – спрашиваю я самое глупое, что могу в текущей ситуации.

– Нет, – абсолютно серьезно отвечает Карелин. – Как и ты, поэтому ты меня и видишь. Это бы многое объяснило. Все, если точнее.

– Ты реально над этим думаешь? – изумленно вскидывает брови Тихон. – Крепко тебя помотало.

Он снова подкидывает меня, а я тоненько взвизгиваю и обхватываю его шею. Холодную. Но если просунуть пальчики под ворот футболки, то вполне себе теплый. И совершенно точно дышит.

– Но как?.. – бормочу я тихо. – И почему я подозреваемый? Почему убили Максима и погнались за мной?

– Встречный вопрос. Где флешка, Анфис?

– Какая еще флешка? – бубню я и хмурюсь.

Карелин тяжело вздыхает.

– Так я и думал.

– Как так?

– По-хорошему не выйдет.

– А как?.. – мямлю я, медленно размыкая руки.

– Прямо противоположно, очевидно.

– Ясно...

«Из огня, да в полымя», – думаю я уныло и осторожно осматриваюсь.

Эту местность я хорошо знаю, мы уже вышли через пролом в заборе, которым обнесено кладбище и идем тропинкой к гаражам, где у него наверняка стоит машина, а у меня уже не будет шансов на побег, так что действовать нужно сейчас.

– Слышал? – шепчу я и вцепляюсь в его плечи, опасливо озираясь.

Карелин останавливается и, кажется, даже дыхание задерживает. Я пыхчу, как паровоз, мешая ему, ловлю недовольный взгляд, а когда он вновь смотрит по сторонам, медленно вращая головой, прыгиваю с его рук на землю. На четвереньках я пробираюсь между его ног и кубарем качусь по склону оврага, закрыв лицо руками. Достигнув самого дна, я подскакиваю на ноги, вполне довольная реализацией своей уловки, но от прозвучавшего раскатом грома выстрела оседаю обратно.

Я быстро оборачиваюсь, услышав шорох листвы и хруст сухих веток. Вижу, что Карелин стремительно спускается, держа в одной руке пистолет. Мычу от страха, но все равно беру низкий старт, отталкиваясь от земли руками, и несусь вперед, что есть мочи.

Но во мне метр с кепкой. Я едва достаю ему до плеча. И на один его шаг мне приходится делать два. Так что догоняет он меня еще до того, как я предпринимаю попытку вскарабкаться вверх по склону. Карелин валит меня своей тушей на землю, а я жалобно всхлипываю, со всего маху врезавшись животом в корягу.

– Больно, – жалобно хнычу я, пытаюсь выбраться из-под него. – Слезь! Тихон, пожалуйста, мой живот...

Карелин переваливается на бок, а я подтягиваю колени к животу и вытаскиваю из-под себя палку. Обиженно кошусь на него и тыкаю ей в него.

– Предупредительный выстрел только один. Учти, если захочешь повторить свой подвиг.

– Ты стрелял в воздух? – уточняю я с сомнением.

– Ну ты же еще жива, – флегматично ведет он плечом и встает.

Отряхивается, хватает меня за плечи, поднимает и встряхивает. От меня отпадает пара сухих листиков, Карелин, видимо, остается доволен результатом, ставит меня ногами на землю и придает ускорение, шлепнув ладонью по попе.

– Двигай. На этот раз прощаю. Будем считать, срезали.

Оборачиваюсь на него, пытаюсь испепелить взглядом, но в отместку он сурово сталкивает брови и играет желваками, подталкивая меня дулом пистолета. Если честно, становится не по себе. И искушать судьбу желания не возникает.

Я карабкаюсь наверх, цепляясь за растительность и продолжая чувствовать его тяжелый взгляд, прожигающий дыру между лопатками. Но чуть только моя голова оказывается выше уровня оврага, Карелин вдруг сбивает меня с ног, предусмотрительно закрыв рот ладонью, роняет на землю и растягивается поверх меня.

– Ш-ш-ш, – шипит он мне на ухо, плавно переместившись в сторону.

Ложится рядом, проверяет обойму и осторожно выглядывает. На пару секунд прикрывает глаза и раздраженно смыкает губы. Нырять свободной рукой в карман джинсов, достает smart-ключ от машины и протягивает его мне.

По моим мозгам бьют воспоминания недавней погони, а сердце подскакивает к горлу. Я отчаянно мотаю головой, отрицательно, разумеется, а Тихон останавливает мою панику, зажав ключ между указательным и средним пальцем и положив ладонь на мою щеку. Гипнотизирует меня взглядом, а потом неожиданно подмигивает и целует в нос.

Я забываю, что еще несколько минут назад пыталась удрать от него, импульсивно двигаюсь ближе и обхватываю его одной рукой за спину.

– Умеешь? – Карелин обдает горячим дыханием мочку моего уха.

– Да, – шепчу я в ответ.

– Времени в обрез. За мной не возвращайся.

– Что? – успеваю испуганно пискнуть, прежде чем он сует ключ в мое декольте и подрыгается с места, сразу же делая первый выстрел.

В ответ звучат еще два, а из меня вырывается глухой стон. Тихон уводит их левее, стреляет еще и приседает, продолжая движение под укрытием. Я делаю глубокий неровный вдох, выглядываю и вместе с этим на четвереньках выползаю наверх. Бросаю взгляд влево, вижу двоих мужчин с оружием в руках, и на полусогнутых бегу в обратном от них направлении, на ходу доставая ключ.

Руки трясутся так, что я боюсь выронить свой единственный шанс на спасение. С каждым новым выстрелом вздрагиваю, но каждый последующий вселяет робкую надежду, что Тихон еще жив. И что бы я там не чувствовала в моменте, если его сейчас убьют, посадят все равно меня.

Я почти достигаю гаражей, когда замечаю стоящий поперек дороги внедорожник с заведенным двигателем и приоткрытой дверцей со стороны пассажира. И в моем помутневшем от страха мозгу что-то щелкает.

Машинально отметив, что она совсем не похожа на ту, на которой меня гоняли по шоссе, я подбегаю ближе. Заглядываю в салон и, не увидев никого, просачиваюсь внутрь и выдергиваю ключ из замка зажигания. Он самый обыкновенный, не нового поколения как у Тихона или Макса, и вряд ли у них с собой есть запасной. А я трезво оцениваю свои шансы уйти от преследования в городе. Они нулевые.

Сунув чужой ключ между грудей, я снова несусь к гаражам. Только сворачиваю за ближайший, как почти врезаюсь в поразительно чистенький и явно не потасканный внедорожник. Машина приветствует меня фарами, и я без лишних раздумий хватаюсь за ручку водительской дверцы.

Я забираюсь в салон и сажусь на самый край сиденья, чтобы комфортно доставать ногой до педалей. Запускаю двигатель с кнопки, втыкаю заднюю передачу, оборачиваюсь через плечо и выезжаю из-за гаража. Разворачиваюсь по очень широкому радиусу, радуясь, что места на этот раз предостаточно, снова переключаю передачу и срываюсь с места по прямой, двигаясь в том направлении, куда ушел Тихон.

Очень быстро я оказываюсь у запертой мной же машины. Нажимаю на клаксон и воспроизвожу столько шума, сколько могу. И когда один из преследователей Тихона возвращается, дерзко показываю ему средний палец через лобовое стекло, одновременно с этим срываясь с места и мча прямо на него.

Мужчина отпрыгивает в сторону и практически ныряет в овраг, а я сворачиваю и двигаюсь в объезд кладбища, надеясь, что Тихон побежал к главному входу. Там имеется какой-никакой охранник, увидев которого преследователи вполне могут и умерить пыл.

Я торможу напротив главных ворот, пытаюсь рассмотреть хоть какое-то движение вдаль. Хитро сощуриваюсь, увеличивая четкость изображения, но на кладбище... как на кладбище.

– Ну же... – бормочу я, от внутреннего напряжения сжимая и разжимая руль.

И вдруг дверца со стороны пассажира распаивается. Мое бедное сердце спотыкается и падает в низ живота, я резко сворачиваю голову и выдыхаю со стоном облегчения. Отпускаю тормоз и выжимаю газ, неспешно трогаясь с места.

– И действительно, куда торопиться? – немного нервно комментирует мою нерасторопность Карелин. – Что? Стреляли? Не слышал. – Я молчком достаю второй ключ из декольте и передаю ему. – Да ладно?! – восклицает он восхищенно, а я с ног до головы покрываюсь мурашками от гордости.

– Угу, – мычу я маловразумительно.

Карелин приближается, сжимает мой подбородок и на эмоции смачно целует в щеку. Я часто моргаю, пытаюсь не воспринимать это проявление чувств слишком уж близко к сердцу, сосредоточенно рулю. И тут он приходит в себя и все портит гневным выкриком:

– Твою мать, Анфиса! Я тебе что сказал?!

Мои губы моментально надуваются, а в глазах от обиды и неожиданности образуются соленые озера.

Я моргаю, прогоняя пелену. Сворачиваю на первом же светофоре, включаю поворотник и останавливаюсь на обочине. Мажу хмурым взглядом по Карелину и лезу на заднее сиденье, пачкая кожаную обивку грязной подошвой кроссовок, но неожиданно застреваю пятой точкой между передних сидений.

Учитывая мои весьма скромные габариты и расстояние между кресел, трачу секунды на осмысление. Потом до меня доходит, что мой зад держат лапы Карелина.

– И спасибо, – говорит Тихон, когда я оборачиваюсь.

Он целует в левую ягодицу и ласково похлопывает по правой, потирая меня.

Я юркаю на заднее сиденье, Тихон весьма грациозно занимает мое место за рулем. Я наблюдаю за движением его тела и в голову пробираются неуместные ситуации воспоминания. Его крепкие руки на моих бедрах, плавные поступательные движения внутри меня, тяжелое дыхание и приватные стоны.

– Да ну нафиг, – бормочу я вслух, приводя себя в чувство яростным растиранием лба.

– Что? – переспрашивает Тихон, мельком обернувшись назад.

– Ничего, – бурчу я чуть громче, а Тихон прибавляет газу.

– Не зря свою кнопку на музыку отдал, – хмыкает вдруг Карелин.

И в этой фразе прекрасно все, но на душе теплеет от того, как он называет дочь. Комплимент скорости моей реакции и предприимчивости хоть и засчитан автоматом, слишком уж завуалирован.

– Кнопку? – фыркаю я с улыбкой.

– На моем стуле, ага, – иронизирует Карелин, а я глуповато хихикаю. – Мозг у тебя шпарит на полную, Анфис, – говорит он уже серьезно. Настолько, что внутри меня натягивается невидимая струна. – И это и хорошо, учитывая, что мы оба до сих пор живы, и плохо. Потому как подтверждает, что ты реально могла все это продумать.

– О чем ты? – лопочу я, облизнув сухие губы.

Карелин смотрит на меня через зеркало и возвращает взгляд на дорогу. И его молчание в тот момент красноречивее любых угроз.

Глава 4

Красиво так за окном, безмятежно. Ветер треплет молодые березовые листочки, на небе ни облачка, а проснувшееся солнышко такое яркое, что хочется выйти из машины и поприветствовать, но, судя по выражению лица развернувшегося ко мне Карелина, логичнее будет попрощаться.

Он привез меня в лесополосу. Место искал долго, кружил, петлял, и почему-то хочется думать, что выбирал покрасивее, но я уже давно не так наивна, как выгляжу. Кстати, об этом...

Скромно двигаюсь вбок, цепляюсь пальчиками за сиденье рядом с водительским и пристраиваю на них подбородок. Карелин внимательно наблюдает за моими ужимками, не меняя настроения, но я не сдаюсь. Дважды взмахиваю ресницами и тихонько лопочу:

– В чем бы ты меня не обвинял, ты заблуждаешься...

– Дочь, когда что-то выпрашивает также выглядит, – немного едко отмечает Карелин. – Я вздыхаю и кладу на пальцы щеку, продолжая смотреть на него грустными глазками. – Хватит, – высекает он сурово. – Все, чего ты добьешься – я буду плакать, закапывая твоё ещё теплое тело.

– Тут красиво, но ты не мог не заметить свободное местечко в кругу моей семьи, – тихо хмыкаю я и отваливаюсь назад, принимая странную размазанную позу. Как лужа на дорогой обивке. – Уважь, когда поймешь, что я не врала.

Карелин шумно выдыхает и выходит из машины. Топчется рядом недолго, потом садится ко мне на заднее сиденье.

– Анфис, мне не до шуток, – говорит он строго. – И если ты заодно с Кристиной, то уверяю тебя, каждое её слово было ложью. Ты не помогаешь Полине, напротив.

– Кристине? – приподнимаю я брови и сажусь как нормальный человек. – Это твоя бывшая жена? – хватаюсь за возможность прояснить хоть что-нибудь. – Бывшая же? – уточняю после паузы, ощутило напрягшись.

– Я тебе не врала, – чеканит Карелин.

– Покажи паспорт, – иронизирую я, выражая то же недоверие, что и он. – И вообще, объясни, в чем ты меня подозреваешь. Флешка какая-то... намекаешь, что я её украла?

– Не намекаю. Прямо говорю.

– Какая чушь, – я возмущенно фыркаю и отворачиваюсь от него.

– Все к одному. Даже не пытайся убедить меня в обратном.

– Да ты сам себе не веришь, – я горько хмыкаю и поворачиваюсь к нему. – Иначе давно бы уже выволок из машины и от слов перешел к делу. Не знаю, что заставило тебя думать, будто я что-то украла, не знаю, как и зачем ты подстроил свою смерть, но что-то мне подсказывает, ты сам понятия не имеешь, что делаешь и зачем.

– Никто больше не входил в номер и не выходил из него. Там камеры, Анфис, – говорит он очень убедительно, но меня его слова ничуть не трогают.

– Значит, с ними что-то сделали.

– Нет. Криминалисты все проверили.

– Окей, – принимаю я его точку зрения. – Покажи мне записи. – Тихон вскидывает брови, но я удивляюсь не меньше его: – А ты как хотел? Ты просто назовешь меня воровкой, а я соглашусь?

– Я не собираюсь тебе ничего доказывать, – пока ещё спокойно, но уже с молниями во взгляде говорит Карелин. – И ты права. От слов давно пора переходить к делу. На выход.

– Никуда я не собираюсь выходить, – бурчу я, скреживая руки под грудью.

Карелин выходит сам и раздраженно хлопает дверцей. Обходит машину, открывает дверцу с моей стороны, запускает руку в салон и сгребает мои волосы на затылке. Дергает на себя и выволакивает на землю, швыряя себе под ноги.

От резкой боли из моих глаз брызгают слезы. Я поджимаю ноги, сворачиваясь на земле клубочком, закрываю лицо ладонями и горько плачу.

– Где флешка? – рывкает Карелин, склонившись надо мной. – Кому ты ее передала? Ответь!

– Я не брала-а-а, – вою я сквозь слезы, содрогаясь всем телом. – Не брала, Тихон, не брала! Твои криминалисты ошиблись!

– Это вряд ли, – отвечает он глухо.

Идет к багажнику, достает лопату и начинает остервенело копать рядом со мной.

– Что ты делаешь? – бормочу я, с ужасом наблюдая за ним.

– Ты разлучила меня с моим ребенком, я разлучу тебя с твоим, – отвечает он холодно и зло.

По коже проносятся колючие мурашки, а лопатки сковывает холодом. От земли еще так тянет... могилой. Я приподнимаюсь на локте и рвано выдыхаю.

– Бить женщину рука не поднимается, даже такую, как ты, – продолжает он давить меня морально, орудуя лопатой. – А вот закопать – запросто. Заживо, – добавляет Тихон со злой ухмылкой, вонзая полотно в землю.

– Такую, как я?... – переспрашиваю я с обидой.

– Твою мать! – взрывается Карелин и отшвыривает лопату. – Ее заберут! Заберут, Анфиса! – орет на меня с яростью, сжав кулаки. – Ради власти, ради денег, ради имиджа! Никто не будет ее любить, до нее никому не будет дела! Никому, черт тебя дерит! Живи с этим, – заключает он с презрением. – Надеюсь, ты протянешь дольше меня. И своими глазами все увидишь.

Карелин идет к багажнику, закрывает его и садится за руль. Заводит двигатель и срывается с места, оставляя меня полулежать возле горки сырой земли.

Я провожаю машину взглядом до тех пор, пока не перестаю различать блики металла на солнце. Встаю, припомнив предостережение мамы, что на холодном сидеть опасно. И очень глупо улыбаюсь собственным мыслям. Подхватить простуду, конечно, неприятно, но вряд ли это может стать моей главной проблемой.

Итак, я в лесу. Моя сумочка осталась в машине Карелина, пакет провизии – на кладбище. От меня несет потом. Я грязная и зареванная. Единственное, что изменилось в лучшую сторону – значительно потеплело.

Это я в вакууме. Что по окружению? Дерьмо полное, вот что. Меня уже дважды чуть не убили и столько же раз похитили. Оба похитителя мертвы, один, не исключено, будет мертв дважды, а обвинят в обоих случаях меня. Доказать обратное хотя бы в одном из случаев уже не получится. Как скучно я жила раньше. Но и «весело» будет недолго.

Карелина, несмотря на то что он оттащил меня за волосы и бросил, по-человечески жаль. Он в отчаянии, и я прекрасно понимаю его состояние. Я уже пережила нечто подобное и врагу не пожелаю лишиться ребенка. Даже если разлучит не смерть, а обстоятельства.

Размышлять продолжаю, двинувшись в ту же сторону, в которой скрылся автомобиль. Лес совсем редкий, идти, если бы не общая усталость, было бы даже приятно. А колея такая заметная, что заблудиться я не боюсь.

Так что у него случилось? Из обрывков фраз ясно, что у него пытаются отобрать дочь и украли какую-то флешку. Рискну предположить, что два этих события связаны. Возможно, на флешке была информация, которая могла бы помешать разлуке. Что еще? Во всем этом как-то замешана его бывшая жена, раз уж он обвиняет меня в сговоре с ней. И очевидно, он сам подстроил собственную смерть. И это пока самое любопытное.

Зачем ему это? Первое, что приходит в голову – чтобы выжить. Не слишком-то в это поверили, учитывая, как мы уехали с кладбища. Хотя... кто сказал, что пришли именно за

ним? Там похоронены мои близкие, не его. И это меня гнали ночью по шоссе. Машина другая, да, но пока все слишком запутано, чтобы делать однозначные выводы.

Еще интересный факт – его абсолютная убежденность в моей причастности. Записи с камер в отеле, святая вера криминалистам, задействованным в расследовании его «смерти». Кажется, он неплохо знает их. Даже доверяет. Ну и понятно, что убедить следствие, что мертв, будучи живым, не сможет даже фокусник с мировым именем. Значит, они все в деле. Они все ему помогают. А единственный шанс выжить для меня, как ни прискорбно, сесть. И надеяться, что он все-таки найдет, что ищет, решит свои проблемы и воскреснет. Тогда и только тогда я смогу вернуть свою жизнь.

К шоссе выхожу довольно быстро. Машины проносятся на огромной скорости, а голосовать у дороги откровенно страшно, но выбора нет: пешком я точно не дойду.

Вижу приближающуюся фуру и выставляю руку вбок. Автомобили проезжает мимо, не сбавляя скорости, но я не отчаиваюсь и, по-честному, даже немного радуюсь. От мысли, что придется сесть в машину к незнакомцу, ощутимо потряхивает. Что там ему в голову придет? Одинокая молодая девушка в неприглядном виде. Без денег и документов. А платить чем?

Я пропускаю несколько машин, делая вид, что прогуливаюсь. Справляюсь с волнением и, когда вижу очередную фуру, поднимаю руку. Не знаю почему, но к дальнобойщикам больше доверия. Люди на работе, а значит, возможностей (да и наверняка желания) совершить какую-нибудь глупость гораздо меньше. Да и не заедешь на такой махине в лесок, подальше от людских глаз.

Где-то на пятой мне везет. Причем, несказанно. Машина тормозит в десятке метров от меня и включает аварийные огни. Я подбегаю, кое-как взбираюсь по ступенькам и вижу за рулем миниатюрную блондинку с задорным хвостиком на макушке. Ненадолго впадаю в ступор, а когда распахиваю дверцу, она досадливо морщится и говорит неожиданно низким голосом:

– Черт, подруга, что с тобой случилось?

– Вам лучше не знать... – бормочу я и поджимаю губы. – Подбросите поближе к городу? Денег нет.

– Конечно, забирайся! – она приветливо машет мне рукой, а я чуть не плачу от благодарности. – Куда тебе?

– В Следственное Управление, – говорю я решительно. – Ну или хотя бы до города, – теперь мямлю, сообразив, как нелепа моя просьба.

– Управление, говоришь... – задумчиво бормочет девушка и стальная махина под ее управлением неохотно трогается. – По какому району?

– Да центральный, чего уж. – Я пожимаю плечами и невольно облизываюсь на бутылку воды, лежащую на сиденье рядом. – Извините, можно попить? Как-нибудь из ладошки. Я аккуратно, обещаю...

Сердобольная девушка, зовут которую Марина, разрешает пить из горла, обращаться на «ты» и съесть ее бутерброды с подтаявшим сыром на куске вареной колбасы. Я в благодарность развлекаю ее историей о шизанутом бывшем, от которого еле унесла ноги. Рассказываю о ее храбрых коллегах, выручивших меня ночью, и всю дорогу до города мы обсуждаем незавидную женскую долю. Когда прощаемся, она пишет на бумажке свой номер, крестит и сажает в такси, которое вызвала со своего телефона.

Через сорок минут я прохожу в здание Следственного Управления. Ловлю косые взгляды, сощуриваюсь и прямым ходом следую к первому же, кого вижу в форме.

– Я – главный подозреваемый по делу об убийстве Карелина, – сообщаю я просто. – Хочу написать признание.

Мужчина недоверчиво сужает глаза и заметно приплюхивается. Затем молча достает из кармана телефон, не сводя с меня взгляда, и начинает копаться в нем, а на мое плечо вдруг опускается тяжелая рука. Я дергаюсь в сторону, а чьи-то пальцы больно вонзаются в кожу.

Первая реакция – бежать. Мой пульс взлетает до небес, а сердце в моменте будто взрывается. Кровь приливает к ногам и, очевидно, отливает от головы, которую от испуга я даже не поворачиваю.

– Она пошутила, – со смешком говорит незнакомец. – Котенок, почему ты в таком виде?

– Шутница, – недовольно бурчит мужчина в форме, к которому я подошла. Мажет по мне сердитым взглядом, прячет телефон в карман и, кивнув тому, который удерживает меня, отходит.

– Пойдем-ка, – шипит мне оставшийся. Разворачивает обратно к входным дверям и принуждает двигаться в нужном ему направлении.

Иду, как овца на закланье. И посмотреть, кто там, страшно, и это его «котенок» сбивает с толку. Когда выходим на улицу и покидаем обнесенную забором и кажущуюся спасительной территорию следственного начинаю паниковать. Я заставляю себя повернуть голову, и вся обмякаю.

Во-первых, этот мужчина тоже в форме. Есть как минимум один свидетель, видевший нас вместе, плюс камеры, а значит, он точно меня не убьет. Во-вторых, он тот, с кем я хотела пообщаться еще утром. И тот, кому я хотела покаяться в грехах, чтобы получить хотя бы еду и кров на неопределенный срок. Он – тот самый брат Тихона.

Родство буквально бросается в глаза: они с Тихоном здорово похожи. Овальная форма лица с четко очерченными скулами. Губы красивые, с выразительным контуром. Густые, немного изогнутые брови, открытый взгляд. Глаза только голубые, у Тихона какие-то болотные.

– Лапуля, в тюрьму захотела? – почти пропевает мужчина, затолкав меня на заднее сиденье стоящего неподалеку от управления автомобиля и сев рядом.

– В общем, да, – отвечаю я честно.

– Болееешь? – он огорченно опускает уголки губ, иронизируя на каком-то совершенно новом для меня уровне. Клянусь, если бы не контекст, я бы поверила в его искренние переживания касаясь моего физического состояния. Но речь явно о душевном.

– А какой вы мне выбор оставили? – немного округляю я глаза.

– Ты лишаешь себя последнего.

– Вы разберетесь со всем, Тихон чудесным образом воскреснет, и с меня снимут обвинения, – упрямо талдычу я свое.

– Дура, – брякает он беззлобно. – Он бы мог воскреснуть, только вернув флешку. Ты самой себе подставила подножку.

– Сами вы два дурака, – огрызаюсь я и смотрю на него волком. – Ладно он, кровь кипит от перспектив, но ты-то! А еще криминалист, – кривлю я губы и демонстративно отворачиваюсь.

– Следователь, – поправляет он.

– Тем более, – откровенно язвлю я. – Не я это. Не. Я, – вдалбливаю я, снова повернувшись к нему. Второй Карелин закатывает глаза, а я продолжаю настаивать: – Не я. Не я, не я, не я, не я, не... – Мужчина закрывает мне рот ладонью и сурово сдвигает брови. – Вы что-то упустили, – мычу я ему в руку, но получается вполне разборчиво. Освобождаю свой рот, надавив на кисть мужчины и говорю с жаром: – Я хочу помочь. Это в моих интересах. И я точно знаю, что ничего не крада. Прошу, дай мне посмотреть те видео с камер, должно быть что-то еще. Обязано, понимаешь?

– А ты настырная, – говорит он немного удивленно. – И добралась быстро.

– Тихон был джентльменом и не вырубил меня лопатой, прежде чем уехать. – Мужчина с трудом давит улыбку и немного склоняет голову. – Ну что вы потеряете, если я их просмотрю? – негодуя всплескиваю я руками.

– В общем-то, ничего, – бормочет он задумчиво. Пока он размышляет, не свожу с него полного надежды взгляда. – Жди тут, – все, что он говорит, прежде чем выйти.

Уходит он минут на двадцать, за которые я успеваю облазить все кармашки в поисках хоть чего-нибудь съестного. Два бутерброда – это прекрасно, но в пустой желудок они провалились со свистом и только раздражили обитающее там чудовище. Теперь оно громко требует добавки, но, увы, так ничего и не получает.

Мужчина возвращается с папкой, садится за руль и бросает ее на соседнее кресло. Заводит двигатель, пристегивается и трогается.

– Куда мы? – спрашиваю я негромко.

– В СИЗО, – отвечает он просто, а я разочарованно цокаю языком и откидываюсь спиной на сиденье. – Что? – хмыкает он. – Ты ж за этим и пришла.

– Я думала, ты мудрее, – бурчу я себе под нос.

Второй Карелин тихо смеется.

– Я зайду один, – поясняет он уже без подколов. – Займу очередь на аудиенцию с заключенным, выйду покурить и можно не возвращаться. Надо же было как-то с работы слиться.

– Почему можно не возвращаться?

– Потому что, чтобы попасть к кому-то, нужно приезжать с утра. К вечеру, если повезет, дойдет очередь. А в обед, – он фыркает и беспечно взмахивает рукой. – Без шансов.

Потом он протягивает мне свой телефон через плечо. Я забираю его, вижу на экране нас с Тихоном в черно-белом цвете и несколько секунд грустно смотрю на горячий кадр с поцелуем.

Так тоскливо вдруг становится. Тело-то еще помнит. Каждое нервное окончание помнит взрыв в груди, разрушивший стены приличий. Стало вдруг плевать, что мы незнакомы. Что не увидимся больше, как тогда казалось. Я просто чудовищно сильно захотела этого мужчину. Побывать с ним хоть сколько-нибудь. Утащить в свою унылую серую жизнь хотя бы воспоминания о том, какой может быть не обремененная лишними мыслями близость.

Стоило мне только раз побыть плохой...

– Ты реветь будешь или смотреть? – со смешком говорит второй Карелин.

Я вздрагиваю от неожиданности, вытираю слезы, которые даже не замечала, и решительно нажимаю на плей.

Глава 5

– Что думаешь? – слышу голос второго Карелина.

Машина остановилась с минуту назад, он вышел, оставив дверцу немного приоткрытой, но я продолжаю смотреть видео, не поднимая глаз. Осталось совсем немного, а куда он меня привез – вопрос, в сложившейся ситуации, второстепенный.

– А черт знает, – задумчиво отвечает ему Тихон, а мое сердце вдруг начинает биться чаще. – До сих пор смотрит видео с камер?

– Вся там. Я просматривал их трижды, Тих. Никто к номеру даже не подходил. Не знаю, на что она рассчитывает.

– Запудрить нам мозги?

– Вариант, конечно, но... Ты только глянь на нее. Лапушка.

– Лапушка, – соглашается Тихон как-то отрешенно.

– Горячая?

– Так я тебе и сказал.

– Тихони всегда самые горячие, – хмыкает второй Карелин, а я стыдливо прикрываю часть лица ладонью, делая вид, что тру глаз.

Я досматриваю последнюю минуту и перематываю на момент, который показался интересным. Потом поднимаю взгляд и обнаруживаю себя у небольшого бревенчатого домика, окруженного типичным деревенским пейзажем. Выхожу из машины и подхожу к стоящим в паре метров от нее мужчинам.

– Ну что, лапуля? – подкатывает ко мне второй Карелин, нагло закинув руку на плечо. – Чем порадуешь?

– Может, и ничем, – бурчу я и поднимаю руку с телефоном. – Разблокируй, пожалуйста. – Мужчины обмениваются удивленными взглядами, Тихон встает рядом со мной, невзначай скидывая руку брата с моего плеча, а я запускаю видео. – Вот, – тыкаю я пальцем в экран.

Из номера напротив того, который занимали мы с Тихоном, выходит блондинка. Вульгарно поправляет грудь, идет по коридору модельной походкой, а потом от испуга дергается. В кадре появляется сначала тележка, а вслед за ней и горничная, выходящая из номера, соседнего с тем, в котором были мы. Женщины обмениваются скупыми улыбками и вскоре вместе входят в лифт.

Я останавливаю видео и смотрю на каждого по очереди. Братья переглядываются между собой и выглядят, мягко говоря, разочарованными.

– Горничная же! – восклицаю я с круглыми от нервного возбуждения глазами. – Она не входила! То есть, входила, но еще до того, как мы поднялись на этаж. Она провела в номере всю ночь. Это же странно, разве нет?

– Это странно, – грохочет Тихон, строго глядя на брата. – Особенно, если она поднялась после того, как я повысил класс номера, Мирон.

– Проморгал, – огорченно морщится Мирон. Делает несколько шагов в сторону, потом идет обратно, смотрит куда-то мимо нас и размышляет вслух: – А говорить может о разном. Первое, самое вкусное. Лапулю за кудряшки ты оттаскал напрасно. Кстати, почему она кудрявая? – спрашивает он у Тихона и хитро сощуривается. – Она разве была кудрявой?

– На это ты внимание обратил. – Тихон скрещивает руки на груди, а его брат флегматично ведет плечом:

– В копилку женского коварства.

– Прекрасно, – закатываю глаза я. – Виновна, потому что накануне сделала укладку. Ты точно следователь?

– Точно, – хитро улыбается Мирон, а потом и вовсе подмигивает мне.

Я недоуменно подаюсь назад и хлопаю ресницами.

– Мирон, соберись, – осаживает брата Тихон.

– Я собран, – мгновенно посерьезнев, отвечает Мирон.

– Тихо-мирно... – бормочу я себе под нос. – А с юморком у вас предки.

– У бати похоронное бюро, – отмахивается от моей ремарки Мирон, а мое лицо вытягивается. Он смотрит на меня пару секунд и коротко гогочет. – Обожаю этот момент.

– Мирон! – повышает голос Тихон.

– Лапуля не при делах, между номерами есть дверь, – проговаривает Мирон быстро. – Замаскированная подо что-то, раз уж ты ее не заметил, – ненавязчиво бросает он камешек в огород брата, а Тихон в раздражении смыкает зубы, играя желваками. – Вариант два. Дверь все еще есть, но девчонки работали в паре. Заходила горничная в номер или нет – большой вопрос. Вариант три. Горничная воспользовалась пустующим номером в личных не преступных целях. Или ублажала гостя. Есть в этом случае дверь или нет – плевать.

– Пока логично, – соглашается Тихон, степенно кивнув.

– Теперь о том, что можно проверить, не посвящая следователя по делу, – деловито продолжает Мирон. – Наличие двери. И то при условии, что нужный номер свободен. Ну и потыкать в сотрудников стоп-кадром, на котором видно лицо горничной. Но что-то мне подсказывает, она там не работает. Форма размера на два больше, обувь на каблуке, – перечисляет он и кривит губы.

– А почему нельзя посвящать следователя по делу? – спрашиваю я наивно и зябко веду плечами, отреагировав на порыв ветра. – Потому что есть варианты два и три, и вы не хотите смещать фокус следствия с меня на неизвестную? – догадываюсь сама.

– Не поэтому, – говорит Тихон, подойдя ко мне почти вплотную и заслонив собой от ветра. – Под раздачу в этом смысле ты попала случайно. Флешки нет, а значит, велика вероятность, что до дома я уже не доеду. Пришлось умереть, чтобы не умереть. И чтобы достать видео с камер.

– Тогда почему? – не унимаюсь я. Обнимаю себя за плечи и топчусь на месте в ожидании ответа.

– Долго, – очень просто поясняет Мирон. – Пока Сан Саныч раздуплится, пока сам пересмотрит видео с камер. Поедет в отель, там возмутятся обвинениям, он поедет обратно, наклепает запрос, обоснует, запросит разрешение запросить, обматерит пол отдела и руководство, напишет заявление на увольнение, вымажет двести, а то и триста грамм на сон грядущий, проспится, заберет заявление, получит разрешение на запрос, отправит, дождется ответ... Это уже трое суток мимо.

– Хватит, – прерываю я его трескотню.

– О чем и речь, – поддакивает Мирон, ничуть не обидевшись. Подкидывает на ладони ключ от машины, ловит, зажимая его в кулак. – Ладно, я погнал. Не скучайте.

– Не будем, – обещает Тихон, вставая ко мне вплотную.

Я нервно сглатываю, провожая взглядом машину Мирона. Дрожу уже не от холода, и даже не от страха. От волнения, нарастающего с каждой секундой.

– Ну что, красавица? – Тихон обнимает меня за талию, а потом начинает как-то странно ощупывать. – Что это? – оттягивает он мое одеяние.

– Наволочка.

– Вопросов только прибавилось. Топай в дом.

Он отпускает меня и похлопывает по ягодице, подгоняя в нужном направлении, а сам уходит в сторону какого-то сарая. Я еще раз окидываю взглядом окрестности, понимаю, что бежать тут некуда, и послушно плетусь в дом. Топчусь на пороге, пока не возвращается Карелин с охапкой дров.

– Не разувайся, тут пыльно, – говорит он мимоходом. – И можешь начинать рассказывать.

– О чем? – спрашиваю я тихо, робко следуя за ним в небольшую гостиную со вполне современным камином и новой мягкой мебелью.

– Почему ты в наволочке, например. Кто этот Максим, которого убили. В идеале, обо всем, что произошло с того момента, как ты покинула номер. Хотя, нет. Начни с того, почему ты его вообще покинула.

– А как надо было? – мямлю я, смутившись.

– Остаться. Поспать. Принять вместе душ, – перечисляет он обыденно. – Спросить, когда я тебе позвоню.

– Тихон, я не вчера на свет родилась. Утро было бы очень неловким.

– Первые секунд десять. Но я понял твою логику. Жалеешь?

– Обо всем, что случилось после, – отвечаю я честно.

– Такая же фигня, – хмыкает он, укладывая дрова в печь.

– С кем сейчас Полина? С матерью?

– Эта дрянь не получит моего ребенка даже после моей смерти, – отвечает он резко. – С моими родителями. Улетели тем же утром. И обратные билеты пока не брали.

– И если ты не найдешь флешку, то и не воскреснешь, я правильно поняла?

– Да, Анфис.

– Заберешь Полину и вы уедете, – заканчиваю я мысль, а он снова подтверждает:

– Да.

– А я, – нервно смеюсь я, но чувствую, как на глазах наворачиваются слезы, – я... а мне что делать?

– В наших общих интересах ее найти. И если ты знаешь, в каком направлении искать...

– Тихон, я не брала эту чертову флешку! – повышаю я голос, роняя на щеки слезы негодования.

Тихон закрывает дверцу печи и встает. Чуть расставляет руки в стороны и медленно идет в мою сторону.

– Хорошо, я понял. Не брала. Я не исключаю, что тебя втянули намерено, но ты не при чем.

– Да зачем вообще кому-то это делать?

– Чтобы я оказался в нужном месте и в нужной кондиции. Расслабленный и крепко спящий.

– Тебе не кажется, что слишком уж много неизвестных переменных в случае моего участия? А если бы я в последний момент струхнула и не пошла? Если бы... ты не расслабился настолько, насколько нужно?

– Нет и нет.

– Звучишь, как самодовольный индюк, – отмечаю я сердито.

– Звучу, как мужик, полгода пускающий слюни на училку своей дочки, – со смешком отвечает Тихон и выходит из гостиной. Прослеживаю его взглядом до кухни, слышу металлический скрип, и вскоре Тихон появляется со стальным ведерком в руке. – Да я бы мясом наружу вывернулся, если бы потребовалось, чтобы не упустить такую козырную возможность, – добавляет он, поймав мой взгляд.

– Козырную в смысле... – немного хмурюсь я.

– Ты все правильно поняла. Отношения мне не нужны.

Он выходит с ведром на улицу, а я сажусь на подлокотник дивана.

Получается, он меня узнал сразу. Понятно теперь, откуда столько напора. И страсти. За одну ночь успеть реализовать все фантазии – это еще постараться надо.

А я-то, глупая... приезжий. До смешного.

Но, надо отдать ему должное. Он давно мог пойти другим путем. Пригласить на свидание, заставить думать, что за этим стоит нечто большее, увлечь, затащить в постель и раство-

риться. При необходимости – перевести дочь в другую музыкальную школу, их немало. Стать очередным мудаком в моей жизни и преспокойно пойти дальше. Но он поступил как адекватный взрослый мужчина. Отодвинул на второй план свои низменные желания, подумал о последствиях. А что ситуацией воспользовался... использованной я себя уж точно не ощущаю. Было потрясающе и отрицать это глупо и лицемерно.

Вскоре Тихон возвращается и идет сразу на кухню. Я встаю и семеню к нему.

– Когда я вышла из отеля, меня подждал Максим, – говорю я, чуть только вижу Тихона. – Это из колодца? – отвлекаюсь на завораживающую рябь на поверхности кристально чистой воды и облизываю губы.

– Пить хочешь?

– Чудовищно. Готова как лошадь просто опустить туда голову, – бормочу я в бредовом припадке и тяну к ведру руки.

– Можешь, – негромко смеется Тихон. – Но есть чашка. Или вот... – бормочет он, наклоняясь и открывая дверцы шкафчика. Достает ковш. – Компромисс.

Я практически вырываю из его рук ковш, зачерпываю воды почти до краев и жадно пью через край, подставив ладонь под подбородок.

– Ох... – Я блаженно прикрываю глаза, размашисто вытерев рот. – О чем я? А, да, – собираюсь с мыслями, открыв глаза и отставив ковш. Коротко пересказываю, что случилось до того момента, как я оказалась на кладбище, опустив личные разборки с Максимом. – В моей сумочке была флешка с видеорегистратора из его машины. Ты же не выкинул ее, правда?

– Нет, валяется на заднем сиденье. Сейчас. – Тихон отлипает от столешницы, к которой пришвартовался, пока я говорила, идет к двери. – Поройся пока в холодильнике.

К моменту, когда он возвращается, я уже приканчиваю первый бутерброд, размышляя о пачке сухих макарон, лежащих на верхней полке в холодильнике. Принимаю из его рук свою сумочку, лезу в маленький внутренний кармашек и точно молнией прошибает.

– Почему он растянут?... – бормочу я себе под нос. Дергаю за собачку, раздается тихий свист, но звенья не сцепляются. Повторяю маневр еще трижды с тем же результатом, прежде чем лезу в кармашек. – Нет... – стою я в отчаянии, шаря внутри пальцами. – Нет, нет, нет, нет, не-е-е-ет... – по-детски хнычу.

Переворачиваю сумочку и вываливаю на стол содержимое. Трясу, не увидев флешки, и на горку бесполезного хлама падает тампон. Меня бросает в жар, я хватаю его и заталкиваю в карман джинс, покраснев от смущения. Кошусь на Тихона, наблюдающего за мной с абсолютно непроницаемым лицом, раскрываю сумку и обследую каждую складку подкладки рукой.

– Потеряла, – объявляю я трагично. – Ну, все, на пожизненное хватит.

– Не думаю, что тебе смогут пришить его убийство, – равнодушно комментирует пропажу Карелин. – Ты сказала, стреляли с близкого расстояния. Вряд ли мужчина был одного с тобой роста, так что как минимум баллистика на твоей стороне.

– А если женщина? Я ж не видела. И не все такие богатыри, как ты.

– Благодарю, – с полуулыбкой кланяется Тихон, снова вгоняя меня в краску, – и вряд ли. Макушка у него была на месте? Если да, стреляли не снизу вверх.

К горлу в мгновение подпрыгивает съеденный бутерброд. Я делаю глубокий вдох и с трудом сдерживаю острый приступ тошноты, отвернувшись от Тихона и закрыв рот рукой. Пытаюсь не искать в памяти ответ на его вопрос, но картинка всплывает сама собой.

– На месте, – отвечаю я через силу. – Но там мои отпечатки. И в ресторане я при свидетелях продемонстрировала свою неприязнь.

– А оружие ты где взяла? И кто стрелял в тебя? – заваливает здравомыслием Тихон. – В машине тоже твои отпечатки. И при желании можно найти и фуру, остановившую движение. Идея, кстати, выше всяких похвал. Проще было устроить жесткую аварию.

– Я думала об этом, но, – морщусь я и отрицательно покачиваю головой. – А если с ребенком кто? Да и без... нет. Хватает того, что из-за меня убили Максима.

– Ты хотела сказать, из-за меня? – хмыкает Карелин, а я пожимаю плечами и поднимаю на него печальный взгляд.

– А есть разница? Ничего уже не изменить. – Я собираю свои скудные пожитки обратно в сумочку, размышляю. – Получается, какая-то переодетая в горничную девушка украла у тебя флешку, а из меня сделали козу отпущения. И чтобы я никогда не смогла этот факт опровергнуть, решили убить.

– Это один из вариантов, – дипломатично говорит Тихон.

– Да-да, – отмахиваюсь я от его недоверия. – Воздушные замки стройте без меня.

– Анфис, – слабо морщится Тихон и устало растирает лицо. – Я не могу позволить себе абсолютное доверие, – не то оправдывается, не то убеждает он, расширив глаза. – Не когда на кону стоит будущее моего ребенка.

– Женщины гораздо раньше мужчины понимают, что значит быть родителем, еще до появления ребенка на свет, – отвечаю я дерзко, если не сказать грубо. – И стаж у меня поменьше твоего, да и с задачей я, откровенно говоря, не справилась, но это не значит, что я не понимаю, – выдаю я на одном дыхании и почти выбегаю из кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.